АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1970

изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении

Лингвистическое изучение письменных памятников древнеуйгурского языка неразрывно связано с именами представителей русской и советской востоковедческой науки. Благодаря их усилиям, а также в результате научных публикаций зарубежных ученых древнеуйгурская филология выделилась в самостоятельную научную отрасль среди комплекса других научных дисциплин, связанных с изучением уйгурского Нельзя не отметить, что введение в научный оборот данных из письменных памятников самих уйгуров способствовало углубленной разработке истории этого народа, ранее базировавшейся исключительно на иноязычных источниках 1.

Несмотря на то что «уйгуры... принадлежали к числу древнейших тюркских племен и что это был весьма распространенный тюркский народ, занявший с давнего времени выдающееся место среди тюркских племен...» 2, большинство ранних письменных памятников их языка стало известно науке сравнительно поздно — с последнего десятилетия XIX в. До этого были известны уйгурописьменные памятники (уйгуро-китайский словарик, юридические и канцелярские документы), относящиеся к XIV—XVI вв. 3. В 20-е годы XIX в. тюркологический мир знакомится с рядом новых рукописей, написанных также на уйгурском алфавите, из которых самой крупной была рукопись «Ку-

³ J. Klaproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, Paris, 1820.

¹ См.: А. Н. Бернштам, Проблемы истории Восточного Туркестана, — ВДИ, 1947, 2(20); его же, Русская и советская уйгуристика, — ИАН КазССР, 1950, № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, вып. I; А. Ю. Яку-КазССР, 1950, № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, вып. 1; А. Ю. Я к у-бовский, Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском кня-жестве IX—X вв., — ТОВЭ, 1947, т. IV; Д. И. Тихонов, Хозяйство и обще-ственный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966; А. v. Gа-bain, Das uigurische Königreich von Chotscho (850—1250), Berlin, 1961. В указанных работах приведена также общирная библиография. ² В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (приложение к ЗАН, т. LXXII, № 2), стр. 19—20.

тадгу билиг», переписанная в XV в. в Герате. Как справедливо отметил еще в 1861 г. Н. И. Ильминский, из всех этих последних памятников, являющихся по существу памятниками среднеазиатского литературного языка, только «Кутадгу билиг» можно рассматривать как «образчик уйгурского наречия» 4. В изучение этого памятника огромный вклад внес крупнейший русский востоковед В. В. Радлов 5.

Однако основу подлинного расцвета уйгуристики составили блестящие открытия ряда экспедиций в Центральную Азию, предпринятых в конце XIX и в начале XX в. Кроме интересных архитектурных находок, знакомства с ярким искусством, экспедиции обнаружили также памятники письменности на санскритском, китайском, тибетском, согдийском, хотано-сакском, тюркском и других языках средневековой Центральной Азии. Тюркские рукописи были написаны на согдийском, сирийском, манихейском, тюркском руническом алфавите, на брахми и на так называемом уйгурском алфавите.

В накоплении древнеуйгурского материала и в создании в России богатой коллекции этих памятников большая заслуга принадлежит русским ученым-путешественникам. В России к древностям Восточного Туркестана привлекли всеобщее внимание результаты экспедиций, которые совершались в этот район с последней четверти XIX в. Здесь следует упомянуть путешествия Н. М. Пржевальского, экспедицию М. В. Певцова и В. И. Роборовского, П. К. Козлова, Г. Е. Грум-Гржимайло и других русских ученых. Особая роль в собирании среди других древностей также и рукописей на различных языках принадлежит русским консулам в Западном Китае, прежде всего Н. Ф. Петровскому, Н. Н. Кроткову и А. А. Дьякову, древнеуйгурские коллекции которых составляют значительную часть уйгурского фонда 6.

В 1898 г. Академией наук была предпринята специальная экспедиция в Восточный Туркестан для историко-археологических исследований, которую возглавил Д. А. Клеменц. Она до-

⁴ Н. И. Ильминский, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка, — УЗКУ, 1861, кн. 3, стр. 28.
⁵ В. В. Радлов, Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи, СПб.,

⁵ В. В. Радлов, Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи, СПб., 1890; его же, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, Т. I—II, St.-Pbg., 1891—1910; см. также: Ү. Асаналиев, К. Аш-иралиев, «Кутадгу билиг» эстелигинин тилдик өзгөчөлүктөрү, Фрунзе, 1965. -

⁶ См.: Т. Ф. Оль ден бург, Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана, — ЖМНП, 1904, ч. 353, июнь; его же, Русские археологические исследования в Восточном Туркестане, — КМВ, 1921, 1—2; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России Л., 1925; С. Е. Малов, Уйгуры и их изучение, — в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

ставила несколько письменных памятников, среди которых бы-

 $_{\rm J}$ ли и древнеуйгурские 7 .

В 1909—1911 гг. и вторично в 1913—1914 гг. на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии совершает поездки в Восточный Туркестан С. Е. Малов в, также доставивший коллекцию древнеуйгурских рукописей, в том числе уникальную по объему и сохранности уйгурскую версию буддийской сутры «Золотой блеск».

В 1909—1910 гг. и в 1914—1915 гг. предпринимаются туркестанские экспедиции С. Ф. Ольденбурга, которые добыли более 60 древнеуйгурских фрагментов 9. После этого планомерное исследование Восточного Туркестана русскими учеными прекращается и новые поступления письменных памятников из

этого района носят случайный характер.

Памятники древнеуйгурского языка, доставленные различными исследователями в Россию, сосредоточены ныне в Центральноазиатском фонде рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В этом фонде насчитывается до четырех тысяч единиц рукописного материала (включая мельчайшие фрагменты), которые систематизированы по коллекциям консульским (до 90% фонда) и экспедиционным (около 10% фонда). В 1952 г. под руководством С. Е. Малова была проведена предварительная инвентаризация всех материалов по коллекциям. Однако, к сожалению, до сих пор отсутствует систематический каталог и подробное описание этого интереснейшего фонда 10.

Древнеуйгурские материалы представлены большим количеством самых различных по размеру и сохранности фрагментов рукописей и ксилографов, а также более или менее цельными свитками и книгами. Все рукописи написаны на бумаге курсивом или полукурсивом. По своему содержанию материалы представляют собой переводные произведения религиозной

⁷ Cm. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan, H. I, St.-Pbg., 1899.

⁸ С. Е. Малов, Отчет о путешествии к уйгурам и саларам, — ИРКИСВА, сер. II, 1912, 11; его же, Отчет о втором путешествии к уйгурам..., — ИРКИСВА, сер. II, 1914, 3; см. также письма С. Е. Малова, написанные во время этих поездок: хранятся в ЛО Архива АН СССР: ф. 148, оп. 1, № 4, 94; ф. 177, оп. 2, № 161; ф. 208, оп. 3, № 369.

рам...,— гітчулюдя, сер. п., 1914, 5; см. также письма С. Е. Малова, написанные во время этих поездок: хранятся в ЛО Архива АН СССР: ф. 148, оп. 1, № 4, 94; ф. 177, оп. 2, № 161; ф. 208, оп. 3, № 369.

9 С. Ф. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Краткий предварительный отчет, СПб., 1914; см. также дневники и отчеты С. Ф. Ольденбурга об этих экспедициях в ЛО Архива АН СССР; ф. 208, оп. 1 № 162—163—179

Ф. 208, оп. 1, № 162, 163, 179.

10 См.: «Азнатский музей Российской Академии наук. 1818—1918 (Краткая памятка)», Пг., 1920; Д. И. Тихонов, Восточные рукописи ИВАН СССР, — УЗИВАН, 1953, т. VI. Автор благодарит Л. В. Дмитриеву, сообщившую ему ряд интересных сведений об этом фонде.

литературы (манихейской, буддийской, христианской), различные типы юридических документов уйгуров 11, имеется несколько фрагментов гадательного и астрологического содержания.

Как видно, древнеуйтурские рукописи, сосредоточенные в рукописном отделе ЛО ИВАН СССР, имеют огромную ценность и представляют исключительный лингвистический интерес.

В связи с накоплением материала перед тюркологией встала задача введения его в научный оборот. Пионером в этой области стал акад. В. В. Радлов. К этому времени он уже был крупнейшим в России тюркологом, известным своими трудами не только по современным тюркским языкам, но и исследованиями многих тюркских памятников: енисейско-орхонских, «Соdex Cumanicus», «Кутадгу билиг», некоторых памятников арабской и сирийской письменности, ханских ярлыков 12. Эти всеобъемлющие тюркологические познания ученого и явились той научной основой, на которой В. В. Радлов заложил и возвел здание русской уйгуристики.

В 1899 г. В. В. Радлов публикует четыре древнеуйгурских памятника (два юридических документа и два буддийских фрагмента) из материалов, доставленных упоминавшейся экспедицией Д. А. Клеменца 13. В этой первой публикации уже представлена выработанная им ранее схема изданий памятников, которой В. В. Радлов обычно придерживался при последующих многочисленных публикациях памятников: наборное воспроизведение текста, его транскрипция, перевод, примечания и комментарии. Значение этой публикации определяется также тем, что она дает представление о ранних взглядах В. В. Радлова на древнеуйгурский язык.

Следующей работой В. В. Радлова над древнеуйгурскими текстами было издание материалов, доставленных первой немецкой экспедицией А. Грюнведеля в Турфан (1902—1903 гг.) 14.

¹¹ См.: А. Н. Бернштам, Уйгурские юридические документы, — ПИ, 1940, I/II; А. Кибиров, К вопросу о рабстве в Уйгуристане XIII—XIV вв., — ТИЯЛИКФ, 1952, вып. III; Д. И. Тихонов, Древние уйгурские документы — важнейшие источники для изучения общественного строя Центральной Азии, — «Историография и источниковедение истории стран Азии», вып. I, Л., 1965.

¹² См.: А. Н. Самойлович, В. В. Радлов, как турколог, — ТТКО ИРГО, 1914, т. XV, вып. І; его же, Радлов как турколог, — «Новый Восток», М., 1922, № 2; его же, Академик В. В. Радлов, — ВАН СССР, 1937, № 1.

<sup>№ 1.

13</sup> W. Radloff, Altuigurische Sprachproben aus Turfan, — в кн.: «Nachrichten über die... Expedition nach Turfan», Н. I, St.-Pbg., 1899, стр. 55—83.

14 W. Radloff, Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung, — в кн.: А. Grünwedel, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1905 (ABAW, Kl. I, Bd XXIV, Abt. 1).

Позднее все 46 документов, переданных этой экспедицией русскому ученому для расшифровки, были вновь изданы им в работе «Памятники уйгурского языка» 15 .

Затем следуют издания ряда крупных языковых текстов, доставленных в Азиатский музей русскими учеными из Восточного Туркестана. В 1909 г. В. В. Радлов издает покаянную молитву манихейцев — Х таstvānīft, рукопись которой передал А. А. Дьяков 16. Язык этого памятника архаичен по грамматическим формам и стоит близко к языку енисейско-орхонских памятников.

В серии «Bibliotheca Buddhica» он публикует уйгурскую версию буддийской Ţišastvustik-сутры. Большой интерес представляют глоссы на брахми, которыми снабжены отдельные слова этой рукописи. Брахми-глоссы в издании истолковал русский санскритолог А. Сталь-Гольстейн 17.

В 14-м выпуске этой серии В. В. Радлов издает уйгурский перевод 25-й главы китайской версии сутры Saddharmapundarī-ka («Лотос доброго закона») --- Kuan-ši-im Pusar 18. К этому изданию приложены еще четыре отрывка буддийских текстов и индекс слов, прокомментированных издателем в примечаниях к Tišastvustik Sūtra и Kuan-ši-im Pusar.

С 1913 г. начинает выходить издание сутры «Золотой блеск», рукопись которой доставил С. Е. Малов. Этот список рукописи сделан в Дуньхуане и относится к концу XVII в., что указывает на длительное сохранение у тюрок-буддистов уйгурского письма.

В. В. Радлов считал, что перевод сутры выполнен в XIII—XIV вв. В. В. Радлов и С. Е. Малов, издатели текста, стремились с наибольшей точностью воспроизвести в наборе рукописный оригинал ¹⁹. В. В. Радловым выполнен и перевод всего этого сочинения на немецкий язык. К сожалению, свет увидели лишь три выпуска этого перевода (соответствуют 466 страницам уйгурского текста), которые вышли под наблю-

¹⁵ W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, Л., 1932, стр. 97—1091 ¹⁶ Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer, hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1909; W. Radloff, Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer), — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 12. ¹⁷ Tišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sütra.

¹⁷ Tišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. I. Transscription und Übersetzung von W. Radloff; II. Bemerkungen zu den Brāhmīglossen... von Baron A. von Staël-Holstein, St.-Pbg., 1910 (Bibliotheca Buddhica, XII).

¹⁸ Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kap. der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika. Hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca Buddhica, XIV).

¹⁹ Suvarnaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакцив издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, СПб.—Пг., 1913—1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII, [вып.] I—VIII).

дением и с предисловием С. Е. Малова ²⁰, остальная часть перевода осталась в рукописи ²¹.

Кроме упомянутых выше опубликованных текстов сохранился полностью подготовленный В. В. Радловым к изданию уйгурский текст буддийского сочинения, который он сутрой «Восемь светов». В основу издания была положена рукопись, хранящаяся в Японии, при составлении сводного текста использованы фрагменты из фондов Азиатского имеется немецкий перевод и примечания к тексту ²². Сводный текст этой же сутры, в котором не могли быть полностью учтены ленинградские материалы, издан в 1934 г. В. Бангом. А. Габен и Г. Р. Рахмати ²³.

Большой текст (200 строк) — хозяйственная запись уйгура, над которым работал В. В. Радлов в последние месяцы своей жизни, был опубликован Э. Р. Тенишевым (описание, транскрипция, перевод, примечания, характеристика языковых особенностей, указатель слов и фотокопия) 24 и Д. И. Тихоновым (фотокопия) ²⁵.

За двадцать лет своей работы в области изучения древнетюркских памятников В. В. Радлов дал очень много для русской тюркологии. С его деятельностью связана целая ее эпоха — эпоха «интенсивного собирания и издания материалов... и первоначальной, только предварительной обработки наличных материалов» 26 .

При издании памятники уйгурского письма набирались сначала маньчжурским алфавитом, но затем для Академической типографии был отлит специальный древнеуйгурский шрифт, напоминающий по дуктусу полукурсив. Для передачи текста в транскрипции В. В. Радлов применял выработанную им для тюркских языков транскрипцию на основе русской графики, называемую в дальнейшем русской академической транскрипцией. Он считал, что любая транскрипция памятника отражает субъективное представление исследователя «фонетическом смысле данных знаков письма». Поэтому ero транскрипции

²⁰ Suvarnaprabhasa (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung

von S. Malov hrsg., Л., 1930 (Bibliotheca Buddhica, XXVII, [вып.] I—III).

21 ЛО ААН, ф. 177, оп. 1, № 11/590.

22 ЛО ААН, ф. 177, оп. 1, № 1—8.

23 W. Bang, A. von Gabain u. G. R. Rachmati, Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk, — SPAW, 1934, X.

²⁴ Э. Р. Тенишев, Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке, — «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965.

25 Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966.

²⁶ А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, — ТТКО ИРГО, 1914, т. XV, вып. I, стр. 32

текстов воссоздают фонетический облик того древнетюркского диалекта, который, по мнению В. В. Радлова, отражен в том или ином памятнике ²⁷. Однако когда диалектная принадлежность текста была для ученого неясной, а также, видимо, учитывая известную критику В. Томсеном фонетической реконструкции языка «Кутадгу билиг» 28, В. В. Радлов считал возможнужным отказываться фонетической транскрипции уйгурских текстов 29.

Характеризуя переводы уйгурских текстов (прежде всего религиозного содержания), выполненные В. В. Радловым, следует помнить, что Радлов «не был тюркологом с уклоном в синологию, Радлов не был тюркологом с уклоном в иранистику; был тюркологом и только им» 30. Поэтому передача: В. В. Радловым некоторых termini technici в буддийских и манихейских произведениях вызывала критику со стороны синологов, индианистов и иранистов. Однако значение переводов этих текстов непреходяще. Нельзя забывать, что ученый открывал совершенно новую отрасль тюркологии, мастерски проникая в доселе неведомые никому тексты и язык.

интерес представляют языковые примечания к Большой этим переводам. Они показывают не только глубокие познания В. В. Радлова в тюркских языках, но и тонкое языковое чутье, помогающее ему вникнуть в сложное содержание нового текста. В них имеются многочисленные интересные наблюдения, морфологические миниатюры, этимологии, лексические параллели и т. п. которые не потеряли своей ценности и для современного исследователя древнетюркских языков.

После смерти В. В. Радлова советское уйгуроведение возглавил его ученик С. Е. Малов.

В своей хрестоматии по древнетюркским памятникам, вышедшей в 1926 г., С. Е. Малов дает в качестве образцов древнеуйгурские тексты: три документа в латинской транскрипции ³¹.

В 1927 г. он издает два уйгурских юридических документа, приобретенных им во время второй поездки в Восточный Туркестан и относимых им к XIII в. В статье помещены фотографии с документов, транскрипция, перевод с примечаниями 32.

²⁷ W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. — MAH.

cep. V, 1901, T. XIV, № 4, crp. 452.

28 V. Thomsen, Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure, — KSz, 1901, t. II, № 4.

29 Cp.: W. Radloff, Kuan-ši-im Pusar..., crp. IV.

³⁰ С. Е. Малов, Памятники..., стр. 100. 31 С. Е. Малов, Образцы древнетурецкой письменности, с предислови-

ем и словарем (стеклография), изд. вост. фак-та САГУ, Ташкент, 1926. 32 С. Е. Малов, Два уйгурских документа, — сб. «В. В. Бартольду»... Ташкент, 1927.

В 1928 г. публикуется известная работа В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка». Рабста, законченная и сданная в печать еще при жизни автора (1904 г.), содержит издание, перевод и комментарии 128 древнеуйгурских фрагментов, давляющее большинство которых является юридическими хозяйственными документами. В книге представлены памятники как из фондов Азиатского музея, так и доставленные или опубликованные немецкими учеными, причем часть опубликованных памятников является их новым переизданием. Здесь проследить, как работал над этими материалами В. В. Радлов, который корригировал предшествующее свое же чтение, толкование и перевод, учитывая поступление новейших рукописей и достижения развивающейся уйгуристики. К выходу в свет эту книгу подготовил С. Е. Малов, который написал предисловие, сверил с подлинниками и фотокопиями текст почти всех памятников, внес исправления в их чтение и перевод, а также составил словарь ³³.

Уйгурскую редакцию буддийской Sitatapatra-dharani, ксилограф которой был приобретен С. Е. Маловым в 1914 г., он опубликовал в 1930 г. 34. Это издание дополнило опубликованную ранее часть той же магической формулы из Берлинского собрания 35.

Еще пять новых юридических документов, которые были доставлены С. Ф. Ольденбургом, С. Е. Малов издает в 1932 г. Фотокопии текстов сопровождаются их типографским набором уйгурскими буквами, транскрипцией и переводом с некоторыми комментариями ³⁶. К изданию приложены семь заметок по уй-

гурской лексике.

Капитальная работа С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», вышедшая в 1951 г., включает и богатый древнеуйгурский материал. Кроме двух новых издаваемых юридических документов здесь даны в транскрипции и переводе два больших отрывка из сутры «Золотой блеск», отрывки из памятника христианского содержания «Поклонение волхвов» и манихейского — «Покаянная молитва манихейцев», переизданы пять юридических документов. Приведенные тексты сопровождаются историко-лингвистическими справками. В книге помещен очерк истории изучения уйгуров и дана библиография. В конце приложен словарь ко всем текстам. Выход этой рабо-

1930, № 5.

³³ W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg., Л., 1928.
³⁴ С. Е. Малов, Sitatāpatrā-dhāraņi в уйгурской редакций, — ДАН-В,

³⁵ F. W. K. Müller, Uigurica. II, Berlin, 1911.

³⁶ С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, — «Записки ИВАН», Л., 1932, т. I, стр. 129—149+VI табл.

ты имел большое значение для дальнейших исследований. так как она не только давала материал, но и способствовала повышению интереса к древнетюркским памятникам.

Ряд публикаций вновь открытых памятников письма принадлежит А. Н. Бернштаму. Целая серия его статей посвящена расшифровке обнаруженных при археологических работах в Семиречье языковых фрагментов ³⁷. Некоторый интерес как палеографические наблюдения представляют опубликованные им легенды на так называемых тюргешских монетах ³⁸.

К последним работам А. Н. Бернштама примыкает коллективная статья «Монеты из раскопок городища Ак-Бешим...», в которой А. М. Щербак написал раздел «О чтении легенд на тюргешских монетах» 39.

Три новых юридических документа издает Э. Р. Тенишев совместно с Фэн Цзя-шэном 40. В статье воспроизводятся фотокопии документов, дается транскрипция текста, перевод и комментарии.

Надпись на древнеуйгурском языке, которую обнаружили монгольские археологи, расшифровал и исследовал А. М. Щербак 41. Эта надпись интересна не только своим содержанием и языковыми особенностями, но и тем, что ее можно рассматривать, по мнению издателя, «как древнейший образец согдо-уйгурской письменности у тюрок» 42.

К своей монографии по истории Уйгурского государства Д. И. Тихонов приложил, кроме упоминавшегося уже воспро-изведения хозяйственной записи, фотокопию, транскрипцию и перевод нового уйгурского документа из фондов ЛО ИВАН СССР, а также перевод на русский язык и транскрипцию документа, изданного в Китае 43.

Таковы основные публикации памятников древнеуйгурского языка русскими и советскими тюркологами.

³⁷ А. Н. Бернштам, Уйгурская эпиграфика Семиречья. I—II, — ЭВ, 1947—1948, I—II; его же, Новые эпиграфические находки Семиречья, — ЭВ, 1948, II; его же, Уйгурская надпись из Эрши (Фергана), — ЭВ, 1952, VI. 38 А. Н. Бернштам, Тюргешские монеты, — ТОВЭ, 1940, II; его же, Новый тип тюргешских монет, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951. 39 Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак, Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг., — УЗИВАН, 1050 г. XVI стр. 514—561

^{1959,} т. XVI, стр. 514—561.

^{1939,} т. Аут, стр. 314—301.

40 Фэн Цзя-шэн, Э. Тенишев, Три новых уйгурских документа из Турфана, — ПВ, 1960, № 3, стр. 142—149.

41 А М. Щербак, Мўгулистонда топилган қадимги бир тош ёзма, — «Узбек тили ва адабиёти масалалари», Тошкент, 1959, № 3; его же, Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии, — ЭВ, 1961, XIV, стр. 23—25. 42 А. М. Щербак, Надпись на древнеуйгурском языке..., стр. 25.

⁴³ Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй..., стр. 240—260.

* * *

Большинство памятников древнего уйгурского языка, обнаруженных в Восточном Туркестане, представляют собой более или менее крупные разрозненные фрагменты различных произведений. Поэтому перед исследователем, кроме правильного прочтения текста, стоит задача правильно его идентифицировать и соотнести с другими фрагментами. Эта сложная и кропотливая работа требует не только глубокого проникновения в данный текст, но и хорошего знания других текстов в коллекции, а также четкого представления об оригинальном произведении, уйгурскую версию или перевод которого держит в руках тюрколог.

В связи с этим первые издатели текстов вынуждены были лишь частично касаться других очень важных сторон текстологической работы: археографической и палеографической интерпретации рукописи, определения текстологического взаимоотношения различных фрагментов и списков, датирования текстов, установления места их возникновения и т. п. Особо сложную проблему представляет датировка рукописей, поскольку большинство из них не имеет указаний не только на дату составления перевода (если произведение переводное), но и на дату составлечия документа или списка рукописи. Палеографическая неизученность рукописей не позволяет установить и их относительную хронологию. Оценивая достижения уйгуристики за прошедшие 70 лет, можно сказать, что комплексное изучение древнеуйгурских текстов — задача будущего.

Из ученых, уделявших известное внимание палеографии, следует назвать прежде всего В. В. Радлова. В его археографических справках и комментариях содержится много интересных наблюдений по палеографии 44. В. В. Радлов предпринял также попытку теоретически обосновать некоторые вопросы развития уйгурской графики и орфографии. В специальной статье «Доисламские виды письма у тюрков и их отношение к языку последних» он дал общую характеристику енисейско-орхонского и уйгурского алфавита и остановился на способах передачи этими алфавитами древнетюркских звуков 45. Этих же вопросов он неоднократно касался в серии своих исследований по древнетюркским языкам. Заслуживает внимания интересное предположение В. В. Радлова о случаях употребления широких гласных в аффиксах в языке некоторых памятников манихейского содержания, которые он объяснял влиянием приемов

 ^{&#}x27;44 См.: W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler..., стр. 71—76, 83.
 45 W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, — ИАН, сер. VI, 1908, т. II, № 10.

трафической передачи начальных гласных в сиро-манихейском лисьме ⁴⁶.

Древнеуйгурский алфавит В. В. Радлов рассматривал как адаптацию тюрками сирийского письма эстрангело в его несторианской разновидности 47. Однако работами Р. Готьо, А. Лекока, Ф. Мюллера и других ученых было доказано, что основой уйгурского алфавита послужила одна из разновидностей согдийского курсива. Эта точка зрения разделяется ныне большинством уйгуроведов 48. Следует заметить, что и В. В. Радлов в последних своих работах уже допускал возможность посредничества согдийского алфавита между сирийским алфавитом и уйгурским 49. В связи с вопросом происхождения уйгурского алфавита большой интерес представляет изучение почерков рукописей и их графических особенностей.

В работах русских востоковедов затрагивались также отдельные проблемы формирования и развития применявшегося у уйгуров сиро-манихейского письма ⁶⁰.

Поскольку тюркологи располагают, как правило, лишь косвенно датированными памятниками, написанными на различных алфавитах, обнаруженными в различных географических пунктах и отражающими, надо полагать, язык не единой этнической тюркоязычной группы, становится ясной вся сложность классификации этих памятников, проблематичность выбора ее основания и исходных принципов. Несмотря на эти трудности, были предприняты попытки систематизировать древнеуйгурские памятники, определить их место среди других памятников и соотнести их язык с определенными этническими эбразованиями тюрок. Следует заметить, однако, что пока нау-

стр. 212—234; е е ж е, Ёще раз о сиро-тюркском, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 228—232.

⁴⁶ W. Radloff, Alttürkische Studien. III, — ИАН, сер. VI, 1910, т. IV,

W. Radioli, Atturkische Studien. III, — IIII, сер. VI, 1510, 1. IV, № 13, стр. 1033—1035; его же, Alttürkische Studien. VI, — ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, № 12, стр. 749—751.

47 W. Radioff, Die vorislamitischen Schriftarten..., стр. 842; его же, Alttürkische Studien. IV, — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 5; его же, Alttürkische Studien. VI, —ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, № 12; его же, Турфанские текс ты в лингвистическом отношении (изложение доклада), - ЗВОРАО, 1912, т. XXI, вып. I, стр. XV.

⁴⁸ См.: В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском,— «Иран», т. І, Л., 1926, стр. 37; С. Е. Малов, Изучение древних турецких языков,— «І Всесоюзный тюркологический съезд...», Баку, 1926, стр. 140; А. Соколов, От камня к печатному станку. Из истории турецких алфавитов,— «Культура и письменность Востока», кн. II, Баку, 1928, стр. 100—105; A. v. Gabain, Das Alttürkische,— PhTF, 1959, t. I, стр. 23.

⁴⁹ Ср. Ţišastvustik..., стр. V. 50 См.: W. Radloff, Alttürkische Studien. III, VI; П. Қ. Қоковцов, К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья, — ИАН, сер. VI, 1919, т. III, № 11, стр. 773—796; Н. В. Пигулевская, Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана, — «Советское востоковедение», I, М.—Л., 1940,

ка не дает точного представления об этногенезе и этническом составе и расселении тюркских племен на территории Восточно го Туркестана и в смежных районах ⁵¹.

В. В. Радлов в своей классификации древнетюркских языков и диалектов учитывал особенности языка памятников, применяемый в них алфавит, а также некоторые исторические и гео-

графические данные о древнетюркских народах 52.

Все памятники енисейско-орхонской письменности он относил к древнему северному диалекту (die Sprache des Türk-Sir-Volkes). Вторым диалектом является древний южный диалект (или die uigurische Sprache). Он формировался в южных областях еще в период до возникновения Уйгурского каганата и стал нам известен по памятникам, написанным уже после его падения в тех местах, где оставалось оседлое уйгурское население. Эти памятники написаны на уйгурском алфавите. В. В. Радлов относил к указанному диалекту небольшой круг памятников: сутру Rājāvavādaka, курсивные документы из Турфана и Гератскую рукопись «Кутадгу билиг». Третья группа — смешанные диалекты — представлена в памятниках различного содержания (большинство из них — буддийские тексты) на манихейском и уйгурском шрифте. В этой группе диалектов В. В. Радлов выделял в свою очередь два языковых типа (поддиалекта): западный — язык западных тюрок, западных Ту-кю, который представлен в памятнике Xuastvanift, и восточный язык буддийской литературы. Орфография всех буддийских текстов характеризуется известным единством, что В. В. Радлову повод поставить вопрос о существовании единой языковой традиции и об отдаленности этого чисто литературного языка от разговорного 63. Давая свою схему диалектов, ученый приводил их характерные фонетические и морфологические особенности.

Эта классификация не может считаться вполне удовлетворительной, ибо в ней дается слишком общая картина древних диалектов, с которыми соотносятся отдельные памятники пись-

⁵² W. Radloff, Alttürkische Studien. IV—V, — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 5—6, стр. 305—326, 427—452.

⁵¹ См.: В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах...; Д. [М.] Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899; В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928; его же, Общие рабогы по истории Средней Азии, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, разд. I; Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии, СПб., 1898; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967 (в указанных работах представлена обширная библиография).

⁵³ См. также: W. Radloff, Tišastvustik..., стр. V; В. В. Радлов, Турфанские тексты в лингвистическом отношении..., стр. XV и план-конспект последнего сообщения в ЛО ААН СССР: ф. 177, оп. 1, № 41.

ма. Однако она остается первой и пока единственной, где хоть как-то классифицированы языки всех древнетюркских памятников. Очевидно, что создание новой схемы потребует самого тщательного изучения языка каждого отдельного памятника (что пока еще не проделано в тюркологии) и их взаимного детального сопоставления.

Проблемы определения места языка древнеуйгурских памятников касались и другие исследователи, но либо при составлении классификаций всех тюркских языков ⁵⁴, либо в связи с исследованием отдельных памятников или языков.

Особые разделы об основных этапах развития восточнотуркестанской тюркской языковой общности и о диалектах восточнотуркестанского языка содержатся в работе А. М. Щербака, где он рассматривает преимущественно памятники карлукского диалекта, однако в сопоставлении с уйгуро-огузскими 55.

Вопросы взаимодействия древнеуйгурского языка и уйгурской письменной традиции с другими диалектами и литературными языками Западного Туркестана, Средней Азии, а также со староосманским и староазербайджанским языками неоднократно поднимаются в нашей тюркологической литературе начиная со времен Радлова.

Известно, что наибольшее влияние уйгурский язык оказывал на формирование староузбекского (чагатайского) языка и на некоторые другие средневековые литературные тюркские языки ⁵⁶.

⁵⁴ А. [Н.] Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922; С. Е. Малов, Памятники..., стр. 5—8; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., (1962; В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. (1, Ташкент, 1959.

⁵⁵ А. М. Щербак, Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961, стр. 10—30.

⁵⁶ См.: В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, — ЗВОРАО, 1888, т. IIII, стр. 1—40; А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 1—23; С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, вып. 6, стр. 475—480; А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, — сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 92—120; его же, Очерки истории узбекского языка. III, — УЗИВАН, 1958, т. XVI, стр. 194—219; его же, Лексика среднеазиатского тефсира XIII—XIII вв., М., 1963, стр. 3—28; А. М. Щербак, К истории узбекского литературного языка древнего периода, — сб. «Академику В. А. Гордавскому к его 75-летию», М., 1953, стр. 317—323; его же, Огуз-наме. Мухаббат-наме, М., 1959, стр. 101—109; его же, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 12—19, 222—246; Г. Ф. Благова, Х. Данияров, Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы, — ВЯ, 1966, № 6; Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюского Египта XIV века, автореф. докт. дисс., М., 1965; Э. И. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, автореф. докт. дисс., Ташкент, 1967 и др.

Исследование фонетического строя любого мертвого языка на основе изучения письменных памятников этого языка. да еще записанных на малоприспособленном для передачи его звуков алфавите, — крайне сложная задача. Поэтому область уйгуристики является наименее разработанной и наи-

более спорной.

В. В. Радлов, будучи крупным знатоком тюркских языков Алтая и считая древнеуйгурский язык по своей фонетической структуре близким к этим языкам, при восстановлении фонетики древнеуйгурского языка исходил из правила, что качество согласных звуков определяется положением их в слове и что в анлауте и ауслауте могут быть лишь глухие звуки ⁵⁷. На указанной основе он транскрибировал «Кутадгу билиг» и все издаваемые им тексты из Восточного Туркестана. Такое «обалтаивание» В. В. Радловым языка уйгурских памятников вызывало возражения со стороны ряда ученых. Однако, несмотря на критику В. Томсена, К. Фоя, В. Банга и других тюркологов, В. В. Радлов до конца жизни защищал свой тезис о том, что памятники, принадлежащие к уйгурскому диалекту (прежде всего юридические документы), отражают именно такую фонетическую систему, допуская, однако, при этом, что искусственный литературный язык буддийских текстов и текстов манихейского содержания базируется на иной фонетической основе ⁵⁸.

Точку зрения В. В. Радлова на фонетический строй языка древних жителей Восточного Туркестана в новейшее время поддержал Э. Р. Тенишев, который опирается на данные фонетики языка желтых уйгуров и саларов 59. Он указывает, что «язык уйгуров Турфана и Ганьсу, запечатленный в памятниках уйгурского письма, не различал звонких и глухих согласных» и что «противопоставление древнеуйгурских согласных фонем установилось по линии наличия или отсутствия аспирации» 60. Исходя из этого, Э. Р. Тенишев дал транскрипцию изданной им хозяйственной записи уйгура 61.

С. Е. Малов в своих последних публикациях транскриби-

58 См.: W. Radloff, Alttürkische Studien. V..., стр. 437; В. В. Радлов, Турфанские тексты..., стр. XV.
59 Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева, Язык желтых уйгуров, М., 1966; Э. Р. Тенишев, Саларский язык, М., 1963.

стр. 40-48.

⁵⁷ См.: В. В. Радлов, Турфанские тексты в лингвистическом отношении..., стр. XV; W. Radloff, Altuigurische Sprachproben aus Turfan..., стр. 62—63; его же, Alttürkische Studien. IV—VI.

⁶⁰ Э. Р. Тенишев, Система согласных в языке древнеуйгурских памягников уйгурского письма Турфана и Ганьсу,— «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 124—135.
61 Э. Р. Тенишев, Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке...,

ровал тексты, принимая во внимание точку зрения В. Томсена, и отмечал, что «точка зрения В. Томсена на фонетику древнеуйгурского языка в настоящее время является общепризнанной» ⁶².

Некоторые вопросы древнеуйгурской фонетики нашли также отражение в исследованиях Э. Р. Тенишева 63, А. М. Щербака 64, В. М. Насилова 65 и других тюркологов.

Более глубокое освещение в работах русских и советских тюркологов получила морфология древнеуйгурского языка. Пионером изучения морфологического строя языка памятников также является В. В. Радлов. Хотя у него и нет специального исследования по морфологии памятников, в его работах так или иначе рассматриваются или затрагиваются многие вопросы древнеуйгурской морфологии. Так, в работе «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» 66 он использует древнеуйгурский материал для подтверждения своих общетеоретических построений; при классификации древнетюркских диалектов В. В. Радлов дает описание характерных морфологических особенностей каждого из диалектов; в комментариях к текстам рассматриваются и трактуются многие грамматические формы древнеуйгурского языка, причем часто в сравнительно-сопоставительном плане.

Такую же научную ценность представляют морфологические штудии С. Е. Малова в его примечаниях к текстам. Особо следует упомянуть указатель грамматических форм, который составлен им по сутре «Золотой блеск» 67.

Язык этой буддийской сутры, одного из немногих дошедших до нас обширных древнеуйгурских памятников, описан Э. Р. Тенишевым в его диссертационной работе 68. При исследовании Э. Р. Тенишев большое внимание уделяет сравнению языка этого сочинения с языком памятников рунической письменности, других памятников древнеуйгурского языка и таких, как

⁶² С. Е. Малов, Памятники..., стр. 97; ср. В. В. Радлов, Uigurische Sprachdenkmäler..., crp. VIII.

⁶³ Э. Р. Тенишев, Грамматический очерк древнеуйгурского языка по со-

чинению «Золотой блеск», канд. дисс., Л., 1953.

64 А. М. Щербак, Отюркском вокализме, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 24—40; его же, Тюркский консонантизм, — ВЯ, 1964, № 5, стр. 16—35; его же, Тюркские гласные в количественном отношении, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», ношении, — «Поркологический соорник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 146—162; его же, О фонологической оппозиции гласных по признаку раствора в тюркских языках, — НАА, 1966, № 1, стр. 121—128.

65 В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, М., 1963, стр. 7—11.

66 W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen, — ЗАН, серия VIII, 1906, т. VII, № 7.

⁶⁷ С. Е. Малов, Памятники..., стр. 187—198. 68 Э. Р. Тенишев, Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск», автореф. канд. дисс., Л., 1953.

«Кутадгу билиг», «Дивану лугат-ит-турк», «Тефсир», кроме того, привлекаются данные современных тюркских языков.

Работа А. М. Щербака «Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана» посвящена описанию фонетики и морфологии восточнотуркестанских памятников карлукско-уйгурских диалектов. В ней рассмотрена система грамматических форм всех частей речи.

На основе изучения различных памятников древнеуйгурского языка В. М. Насиловым написан очерк «Древнеуйгурский язык». Значительная часть этого очерка отводится изложению

морфологической системы языка указанных памятников.

Морфология уйгурских памятников рассматривается и в работе Э. Фазылова «Историческая морфология узбекского языка», где описывается также и язык других древнетюркских памятников ⁶⁹.

Изучению системы временных форм, отмеченных в памятниках древнеуйгурского языка, написанных на уйгурском алфавите, посвящена диссертационная работа Д. М. Насилова. Автор приходит к выводу о наличии системных отношений между временными формами, которые целесообразно рассматривать внутри коррелирующих между собой двух подсистем — подсистемы абсолютных и относительных временных форм ⁷⁰.

Отдельные частные вопросы морфологии затрагивали описывали и те тюркологи, которые, занимаясь исторической грамматики тюркских языков, изучали и анализировали некоторые языковые памятники, или определенный период развития языка, или определенные факты синхронии. Среди подобных работ достаточно упомянуть хотя бы исследования А. Н. Самойловича, А. К. Боровкова, С. Е. Малова, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, И. А. Батманова, Э. В. Севортяна, Г. Ф. Благовой, С. М. Муталлибова, А. Гулямова, Ш. Шукурова, М. Рагимова, Д. Мирзазаде и целого ряда других советских тюркологов.

Слабо разработанными остаются вопросы древнеуйгурского синтаксиса. Из специальных исследований следует отметить диссертационную работу А. С. Аманжолова об управлении древнетюркского глагола, где широко привлекаются древнеуйгурские материалы 71. Сведения по синтаксису древнеуйгурских текстов

⁶⁹ Э. Фозилов, Узбек тилининг тарихий морфологияси, Тошкент, 1965. 70 Д. М. Насилов, Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма), автореф. канд. дисс., М., 1963; его же, Прошедшее время на jük/juq в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 92—104.

⁷¹ А. С. Аманжолов, Об управлении древнетюркского корневого глагола, — ИАН КазССР, серия филологии и искусствоведения, 1959, вып. 1-2; его же, Об управлении производных глагольных основ в язы-

даются в особом разделе очерка В. М. Насилова «Древнеуйгурский язык» 72. Выяснению некоторых вопросов исторического формирования подчиненного комплекса в структуре предложения на основе имен действия посвящена статья В. М. Насилова «Глагольные имена в их развитии в тюркских языках» 73. Материалы древнеуйгурских памятников привлекаются также и тюркологами, изучающими синтаксис отдельных тюркских языков (Е. И. Убрятова, Н. З. Гаджиева, Г. А. Абдурахманов, У. Б. Алиев, Е. А. Поцелуевский, К. К. Сартбаев и др.).

Лексическое богатство памятников древнетюркской письменности, в том числе и древнеуйгурских, с момента их открытия и по мере введения в научный оборот всегда было предметом пристального внимания русских и советских тюркологов. Лексика этих памятников является постоянным фоном во всех исследованиях исторического развития словарного состава тюркских языков. В настоящем кратком обзоре нет возможности указать (да в этом и нет необходимости) все те работы, в которых привлекаются в целях научного сравнения и сравнительно-исторического изучения лексические данные древнетюркских памятников. В любом издании языковых текстов позднейшего времени, в любом словаре или индексе к ним, в каждом исследовании того или иного раздела тюркской лексики, в каждой работе по диалектологии тюркских языков, а также в трудах по этнографии и истории тюркских народов как к важнейшему источнику обращаются к языку древнетюркских памятников.

В последнее время широкому привлечению древнетюркских материалов в различных работах немало способствовали глоссарии, приложенные С. Е. Маловым к труду В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка» и к своим «Памятникам древнетюркской письменности».

Систематическое изучение лексики древнеуйгурского языка начал В. В. Радлов. Уже в «Опыт словаря тюркских наречий» он включил лексику сочинения «Кутадгу билиг», которое он относил к памятникам уйгурского языка, а также материалы уйгуро-китайского словаря времен минской династии. Масса лексических заметок сосредоточена в комментариях В. В. Радлова к изданным текстам. При работе с рукописью сутры «Золотой блеск» он произвел полную лексическую расписку текста. Эти материалы легли впоследствии в основу «Уйгуро-немецкого словаря». Кроме лексики сутры «Золотой блеск» им были ис-

ке древнетюркских памятников, — «Труды Ин-та языка и литературы АН КазССР», Алма-Ата, 1959, т. І; его же, Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности, автореф. канд. дисс., М., 1963.

12 В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, стр. 94—118.

13 В. М. Насилов, Глагольные имена в их развитии в тюркских язычасть в предеставления в торкских язычасть в предеставления в предеста

ках, — сб. «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 131—140.

пользованы материалы всех известных тогда древнеуйгурских памятников, а также и «Кутадгу билиг». Этот словарь, явившийся первым в тюркологии крупным сводом лексики древнетюркских памятников, был полностью подготовлен к изданию, и даже было отпечатано 96 страниц (гласные а, ä и часть ы, i), но затем издание прекратилось ⁷⁴.

В связи с возникшим в 20-е годы замыслом переиздания «Опыта словаря тюркских наречий» было решено его древнетюркскую часть издать отдельно, слив с уйгурским словарем В. В. Радлова, но эти планы тогда не были осуществлены 76. Однако лексические материалы той подготовительной работы легли потом в основу картотеки Древнетюркского словаря, работа над составлением которого началась по инициативе и под руководством А. К. Боровкова с 1959 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Этот словарь включает лексику древних тюркских языков и диалектов, представленную в многочисленных памятниках древнетюркской письменности VII—XIII вв. Значительную часть его лексических источников составляют памятники древнеуйгурского языка. Словарь содержит около 20 тыс. слов и выражений (включая собственные имена, географические и этнографические наименования). Он является первой попыткой полного сведения лексики древних тюркских языков ⁷⁶.

Рассматривая путь развития отрасли отечественной тюркологии, занимающейся изучением памятников древнеуйгурского языка, следует сказать, что русские и советские тюркологи внесли неоценимый научный вклад во все ее направления: публикация текстов, изучение их фонетики, морфологии, синтаксиса, исследование лексики, создание лексикографических трудов. Особенно большие успехи достигнуты после Великой Октябрьской социалистической революции, когда к изучению тюркских языков, в том числе и языка памятников тюркской письменности, подключились многие ученые республик нашей страны.

Cipano.

75 См.: ИАН, сер. VI, 1927, № 18, стр. 1684, 1687, 1688, 1694, 1697, 1699— 1701, 1705—1706.

⁷⁶ Древнетюркский словарь, Л., 1969.

 $^{^{74}}$ Ныне рукопись этого словаря хранится в ЛО ААН СССР; ф. 177, оп. 1, № 80, 82, 90.